

А. Е. Загребин
«ЗАБЫТЫЕ ТЕКСТЫ» ЭКСПЕДИЦИЙ В. Н. БЕЛИЦЕР К УДМУРТАМ*

УДК 39(470.51)

ББК 63.51(=664)

Автор обращается к забытым страницам истории отечественной этнографии, говорит о роли исследователя, значении экспедиции, о движении идей и влиянии (арте)факта.

В статье рассматривается научная деятельность известного московского этнографа Веры Николаевны Белицер (1903–1983) в области этнографии удмуртов. Подчеркиваются перспективы введения в научный оборот по разным причинам не опубликованных полевых материалов и иных авторских рукописей по этнокультуре финно-угорских народов России. Показано, что обращение к скрытым этнографическим текстам способно создать дополнительную динамику в проблемных полях науки, претендующей на знание прошлой и настоящей жизни народа.

Ключевые слова: *В. Н. Белицер, этнография, удмурты, полевые экспедиции, музеи, финно-угорские исследования, историография, неопубликованные тексты, финно-угроведение*

Судьба Веры Николаевны Белицер (1903–1983) сложилась так, что ее детские годы были связаны со «старым миром», юность пришлось пережить на период революционного обновления и надежд, сменившихся страхом и разочарованием, зрелые же годы совпали с войной и длительным возрождением любимого дела: она выбрала «этнографическую» линию жизни.

Родившись в Рязани, чья округа и в наши дни хранит природу крестьянского быта, В. Н. Белицер, наверное, не случайно поступила в начале 1920-х гг. на этнологическое отделение факультета общественных наук МГУ. Попытка советской власти радикально изменить взгляд на историю и методологию ее преподавания закономерно привела к повышению статуса науки о народах и их культурах, в чем видели основу дальнейшего изучения социально-экономических отношений, в том числе и классовых процессов.¹ Работавшие со студентами этнографы и обществоведы помогли ей осознать привлекательность изучения традиционной культуры, указав на пер-

спективы этнической проблематики в молодом государстве, ищущем опоры в автономистских устремлениях населяющих его народов.

Этнографам, в большинстве своем придерживавшимся теории развития, не могла не imponировать роль наблюдателя эволюции этнических групп, лишь в малой степени затронутых влиянием капитализма. Проблема выбора состояла в том, что власти, руководя процессом «осовременивания» страны, возлагали вполне конкретные надежды на лояльных ученых.² Вместе с тем значительный прирост эмпирических данных не позволял облечь их в жесткую оболочку одобренных свыше умозаключений. Таким образом, в ранней советской этнографии нарастал конфликт, сопровождавшийся экспансией марксистской терминологии, давлением яфетических идей и стойким нежеланием власти видеть единство во множественности, что порождало не укладывавшиеся в канон «забытые тексты», до поры скрытые в архивах и в памяти профессионального сообщества.

(Кон)текст времени перемен

Годы относительного методологического плюрализма в советской гуманитаристике оставили зримое институциональное наследие. Речь идет прежде всего об открытии в 1920-х — начале 1930-х гг. музеев — этнографических (в центре) и краеведческих (на местах). Призванные властью содействовать пропаганде «новой», социалистической культуры, они

¹ См.: Соловей Т. Д. Власть и наука в России: Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX — начало XXI вв.). М., 2004. С. 161–163.

Загребин Алексей Егорович — д.и.н., директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (г. Ижевск)
 E-mail: zagreb72@izh.com

* Исследование выполнено по гранту РНФ № 14-18-03573 «Поля несуществующего» неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)»

² См.: Маторин Н. М. Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. 1931. № 1/2. С. 33, 34.

преимущественно занимались сохранением и изучением «старой» народной культуры. Экспедиция как способ получения материалов и сведений о материальной и духовной народной культуре, этнография как форма их интерпретации и музей как место их презентации становятся в первые годы советской власти ведущим трендом, объединяющим интересы заказчика и исполнителя.

В 1925 г., будучи уже дипломированным специалистом, В. Н. Белицер поступает на службу в ранее созданный Центральный музей народоведения (ЦМН), где под руководством выдающихся фольклористов и организаторов науки братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых было подготовлено немало известных исследователей.³ Тогда же правление музея разработало масштабный план изучения материальной и духовной жизни народов России. Частью плана стала организация Восточно-финской экспедиции, ориентированной на сбор этнокультурной информации в Поволжье и Прикамье, к работе которой вскоре подключилась В. Н. Белицер.

Непосредственным начальником для молодой сотрудницы и, главное, наставником, оставшимся в ее памяти, стал М. Т. Маркелов.⁴ Выпускник Саратовского университета, мордвин-эрзя по происхождению, он возглавил этнологический отряд Восточно-финской экспедиции. Интересно, что в том же году, в котором поступила на службу в музей В. Н. Белицер в штат ЦМН был принят выпускник Высшего литературно-художественного института им. В. Я. Брюсова К. П. Герд. Основоположник многих творческих направлений в удмуртской культуре, Герд провел летний полевой сезон 1925 г. в составе музейной экспедиции. Никто тогда не мог предположить, чем обернется для молодых ученых это знакомство и как оно повлияет на историю советского этнографического финно-угроведения.

Удмуртские экспедиции 1930, 1931 и 1938 гг.: причины и (по)следствия

Согласно плану 4-го года работ Восточно-финской экспедиции летом 1930 г. предполагалось осуществить «изучение удмуртов в их

хозяйственной и общественной жизни в разрезе Советского строительства».⁵ Годом ранее, предваряя эту поездку, М. Т. Маркелов публикует брошюру, содержащую краткие историко-статистические сведения об удмуртах, но на деле она очерчивала круг вопросов будущего полевого исследования.⁶ В состав экспедиции, кроме заведующего финским отделом ЦМН доцента Маркелова и научного сотрудника Белицер, вошли московский художник И. С. Ефимов и заведующий Областным музеем Г. Ф. Сидоров.

В общей сложности три с половиной месяца участники экспедиции провели в Удмуртии. Примечательно, что М. Т. Маркелов считал своим долгом рассказать как можно более широкой аудитории о целях и задачах научного предприятия.⁷ Предполагалось изучить динамику хозяйственного уклада и общественных отношений в удмуртской деревне, а также по спецзаданию секции докапиталистических формаций Института истории Коммунистической академии собрать сведения по проблемам «разложения родового общества удмуртов».⁸ Маршрут экспедиции пролегал по южным, восточным и северным ёросам (районам) автономной области (Мало-Пургинский, Можгинский, Больше-Учинский, Шарканский, Дебёсский, Поломский, Балезинский и Глазовский), что давало возможность сравнения локальных традиций.

Следуя примеру старшего товарища, В. Н. Белицер сообщала в областной газете о предварительных итогах полевых исследований.⁹ Вспоминая о работе среди удмуртов, она впоследствии писала: «Экспедиция присутствовала на многих “даже особо важных ночных молениях”, происходящих в священных рощах — “лудах” — и в родовых “куалах”. Михаилу Тимофеевичу [Маркелову] удалось записать сроки и назначения молений, тексты молитв, ритуал жертвоприношений, выяснить

³ См.: Бахтина В. А. Фольклористическая школа братьев Соколовых: (Достоинство и превратности научного знания). М., 2000. С. 230–244.

⁴ См.: Белицер В. Н. М. Т. Маркелов (из воспоминаний этнографа) // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Тр. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1970. Вып. 3. С. 15–25.

⁵ Белицер В. Н. Обзор работ этнографической экспедиции 1930 г. // Удмурты: Проспект трудов этнографической экспедиции Центрального музея народоведения и Вотского областного музея 1930 г. Ижевск; М., 1931. С. 65.

⁶ Маркелов М. Вотяки (Удмурты). М., 1929.

⁷ См.: Маркелов М. Т. Экспедиция Центрального музея народоведения по изучению быта удмуртов // Ижевская правда. 1930. 3 июня.

⁸ Сидоров Г. Научное изучение Удмуртской автономной области // Удмурты: Проспект трудов этнографической экспедиции Центрального музея народоведения и Вотского областного музея 1930 г. Ижевск; М., 1931. С. 16.

⁹ Белицер В. Н. К работам этнографической экспедиции Центрального музея народоведения (Две недели работы в Вотобласти) // Ижевская правда. 1930. 25 июня.

роль жрецов и т. д. Он всегда был почетным гостем на жертвенных обедах и непременно участником веселых праздничных гуляний».¹⁰ Правоту этих строк подтверждает полевой дневник Маркелова, содержащий ценные сведения о локальных традициях удмуртов.¹¹ Судя по текстам, можно предположить, что этнографы были довольны результатами работ и думали о продолжении исследований. Полевой сезон 1931 г. они хотели посвятить изучению удмуртской культуры в самой автономной области и за ее пределами — в Уральском крае и Башкирии.

Приехав в начале лета 1931 г. в Ижевск, М. Т. Маркелов выступил с докладом об итогах экспедиции прошлого года перед работниками просвещения, стараясь пробудить в них интерес к научному изучению родного края. Он не мог не почувствовать перемены в настроениях. От «бдительных товарищей» не укрылось то, что приезжие ученые уделяют пристальное внимание «пережиткам», словно намеренно игнорируя успехи советской власти. В областной газете появилась статья, автор которой указывал: «Задача научной экспедиции в том, чтобы всю работу подчинить полностью интересам социалистического строительства, дать марксистско-ленинское описание действительности...»¹² Учитывая реалии, Маркелов опубликовал несколько статей, подчеркивающих победы колхозного движения в Удмуртии над «частной собственностью родовых наследственных прав» и «родовой солидарностью».¹³ Тем временем шла полевая работа. Экспедиция побывала в западных и северо-западных ёросах автономии (Селтинском, Юкаменском, Ярском и Понинском).¹⁴ В ходе поездок В. Н. Белицер сосредоточилась на основном предмете своего научного интереса — на материалах по народной одежде.

Каковы были дальнейшие планы М. Т. Маркелова, В. Н. Белицер и их удмуртских коллег,

сказать сейчас затруднительно. В рамках негласной установки на свертывание нацистских проектов, структуры Нижегородского ОГПУ сфабриковал в 1932–1933 гг. так называемое Дело Союза освобождения финских народностей (СОФИН), активисты которого якобы готовили отторжение финно-угорских регионов от СССР и создание конфедерации под эгидой Финляндии. Ключевым фигурантом Дела СОФИН был определен К. П. Герд. Вместе с удмуртскими учеными и деятелями культуры в оперативную разработку попали представители финской, карельской, коми, марийской, мордовской интеллигенции, а также столичные исследователи, занимавшиеся финно-угроведением.¹⁵ М. Т. Маркелова арестовали в начале 1933 г., приговорили к пяти годам исправительно-трудовых лагерей, замененных административной высылкой в Томск. Новый арест последовал в 1937 г., затем был скорый суд и расстрел. Так В. Н. Белицер осталась одна со всеми собранными удмуртскими материалами.

Тем не менее, связь В. Н. Белицер с Удмуртией не прервалась. В том же 1937 г. к ней обратилось руководство сотрясаемого чистками и доносами Удмуртского НИИ социалистической культуры с предложением продолжить полевые исследования в крае. Экспедиция проходила с 16 июля по 16 августа 1938 г. на территории трех районов (Шарканский, Балезинский, Юкаменский) Удмуртской АССР. В состав экспедиции вошли научный сотрудник Музея народов СССР (бывший ЦМН) В. Н. Белицер и научный сотрудник УдНИИСК М. Л. Кузнецова.¹⁶ Женщины прошли пешком и проехали на лошадях десятки километров в поисках образцов ткачества, вышивки, вязания удмуртов и бесермян. В обобщенном виде полевые записи и авторские размышления отразились в специальной статье, закрепившей за В. Н. Белицер эту проблематику.¹⁷ Затем была война, эвакуация и по-

¹⁰ Белицер В. Н. М. Т. Маркелов (из воспоминаний этнографа). С. 22.

¹¹ См.: Загребин А. Е., Чураков В. С. Вклад М. Т. Маркелова в изучение этнографии удмуртов // Вестн. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 3. С. 136.

¹² Зеленцов В. Культурническая прогулка или научная экспедиция // Ижевская правда. 1931. 28 июля.

¹³ Маркелов М. Т. «Этнографическое изучение удмуртов» к десятилетию Вотской автономной области // Этнография. 1930. № 4. С. 71–80; Он же. О пережитках родового строя в современном быту удмуртов // Советская этнография. 1931. № 3/4. С. 59–69.

¹⁴ См.: Белицер В. Н., Чирков. Работа этнографической экспедиции в УАО // Ижевская правда. 1931. 21 июля.

¹⁵ См.: Загребин А. Е., Куликов К. И. Советское финно-угроведение 1920-х — 1930-х гг.: первые действия и противодействия // Проникновение и применение дискурса национального в России и СССР в конце XVIII — первой половине XX вв. Тарту, 2011. С. 157, 158.

¹⁶ См.: Белицер В. Н. Предварительный отчет об экспедиции по Удмуртской АССР, организованной УдНИИСК летом 1938 года // Зап. Удм. науч.-исслед. ин-та соц. культуры при Совнарком Удм. АССР. Ижевск, 1938. Вып. 8. С. 275.

¹⁷ Белицер В. Н. Узорное ткачество и вышивка удмуртов // Зап. Удм. науч.-исслед. ин-та соц. культуры при Совнарком Удм. АССР. Ижевск, 1940. Вып. 9. С. 96–120.

ступление в 1943 г. в аспирантуру Института этнографии АН СССР.

Сохранение удмуртской темы в непростых 1940 — 1950-х гг. во многом было обеспечено В. Н. Белицер, ставшей своеобразным связующим звеном между этнографами первых пореволюционных десятилетий и молодыми финно-угроведами, пришедшими в науку на рубеже 1960-х и 1970-х гг. не без ее участия либо при ее прямой поддержке.¹⁸ Время выбрало ее для того, чтобы передать все, чему она научилась у своих, быть может, более ярких и талантливых, но рано ушедших из жизни товарищей. До почтенных лет, отправляясь в поле, она испытывала судьбу и в какой-то мере отдавала им долг памяти.

Aleksey E. Zagrebin

Doctor of Historical Sciences, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the RAS (Russia, Izhevsk)
E-mail: zagreb72@izh.com

“FORGOTTEN TEXTS” OF V. N. BELITSKER'S EXPEDITIONS TO THE UDMURT

Reading both the white and dark pages of the history of Russian historiography we start thinking about the role of a researcher, the meaning of expeditions, the exchange of ideas and the importance of (arti)fact.

The article tells about the research work of a well known Moscow ethnographer Vera Nikolajevna Belitsker (1903–1983) with the main focus on Udmurt ethnography. The author emphasized the need to publish field materials and other notes and manuscripts on ethnoculture of the Finno-Ugric peoples of Russia, which for various reasons were not published before. It was demonstrated that this reference to the unknown ethnographic texts could lend additional dynamism to the problem areas of research professing the knowledge of the past and present life of the people.

Key words: *V. N. Belitsker, ethnography, Udmurts, field expeditions, museums, finno-ugric studies, historiography, unpublished texts, Finno-Ugric*

REFERENCES

- Bakhtina V. A. *Folkloristicheskaya shkola bratev Sokolovykh: (Dostoinstvo i prevratnosti nauchnogo znaniya)* [Folkloristic school brothers Sokolova: (Dignity and vicissitudes of scientific knowledge)]. Moscow: Prometey Publ., 2000, 336 p. (in Russ.).
- Belitsker V. N. *Issledovaniya po arkheologii i etnografii Mordovskoy ASSR* [Studies in archaeology and Ethnography Mordovskoi ASSR]. Saransk, 1970, Issue 3, pp. 15–25. (in Russ.).
- Belitsker V. N. *Udmurty: Prospekt trudov etnograficheskoy ekspeditsii Tsentralnogo muzeya narodovedeniya i Votskogo oblastnogo muzeya 1930 g.* [Udmurt: Prospect works ethnographic expedition of the Central museum of ethnology and Votskogo regional museum in 1930]. Izhevsk; Moscow: Udkniga; Tsentrizdat Publ., 1931, pp. 63–71. (in Russ.).
- Belitsker V. N. *Zapiski Udmurtskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta sotsialisticheskoy kultury pri Sovnarkome Udmurtskoy ASSR* [Notes of the Udmurt research institute of socialist culture with the Sovnarkom Udmurt ASSR]. Izhevsk, 1940, Issue 9, pp. 96–120. (in Russ.).
- Fedyanovich T. P. *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review), 2004, № 5, pp. 112–125. (in Russ.).
- Markelov M. T. *Etnografiya* (Ethnography), 1930, № 4, pp. 71–80. (in Russ.).

¹⁸ См.: Федянович Т. П. Исследования В. Н. Белицер финно-угрических народов Поволжья и Приуралья // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 112–125.

Возвращение к «забытым текстам»

Оставшиеся в рукописях, рассредоточенные по разным хранилищам труды В. Н. Белицер по этнографии удмуртов проходят свой непростой историографический путь.¹⁹ Возвращение к ее неизданному наследию имеет особую значимость для финно-угроведения, поскольку она была одним из последних полевых исследователей, чьи научные интересы распространялись сразу на несколько родственных народов (мари, удмурты, коми, коми-пермяки и мордва). Публикация и комментирование таких рукописей создают неповторимый контекст движения этнографа по компаративным пространствам освоенных мест и прожитого времени.

¹⁹ См., напр.: Никитина Г. А. Этносоциальные портреты удмурток начала 1930-х гг.: к 110-летию со дня рождения В. Н. Белицер // Финно-угорский мир. 2013. № 4. С. 51–57.

-
- Markelov M. T. *Sovetskaya etnografiya* (Soviet Ethnography), 1931, № 3/4, pp. 59–69. (in Russ.).
- Markelov M. *Votyaki (Udmurty)* [Votyakov (Udmurtia)]. Moscow: Gosudarstvennyy tsentralnyy muzey narodovedeniya Publ., 1929, 15 p. (in Russ.).
- Matorin N. M. *Sovetskaya etnografiya* (Soviet Ethnography), 1931, № 1/2, pp. 3–38. (in Russ.).
- Nikitina G. A. *Finno-ugorskiy mir* (Finno-Ugric World), 2013, № 4, pp. 51–57. (in Russ.).
- Sidorov G. *Udmurty: Prospekt trudov etnograficheskoy ekspeditsii Tsentralnogo muzeya narodovedeniya i Votskogo oblastnogo muzeya 1930 g.* [Udmurt: Prospect works ethnographic expedition of the Central museum of ethnology and Votskogo regional museum in 1930]. Izhevsk; Moscow: Udkniga; Tsentrizdat Publ., 1931, pp. 16–25. (in Russ.).
- Solovey T. D. *Vlast i nauka v Rossii: ocherki universitetskoy etnografii v distsiplinarnom kontekste (XIX — nachalo XXI vv.)* [Power and science in Russia: essays on the ethnography of the university disciplinary context (XIX — the beginning of XXI centuries)]. Moscow: Prometey Publ., 2004, 498 p. (in Russ.).
- Zagrebin A. E., Kulikov K. I. *Proniknovenie i primenenie diskursa natsionalnogo v Rossii i SSSR v kontse XVIII — pervoy polovine XX vv.* [Penetration and use of national discourse in Russia and the USSR in the late XVIII — first half of the XX century]. Tartu: ENM Publ., 2011, pp. 149–163. (in Russ.).
- Zagrebin A. Ye., Churakov V. S. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordoviya* (Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia), 2012, № 3, pp. 133–139. (in Russ.).